

ГЛАВА II.

Русскіе за границею.

СОВРЕМЕННОКИ, зорко слѣдившіе за путешествіемъ Петра, имѣли полное право придавать особенное значеніе тому обстоятельству, что царь, не ограничиваясь своимъ собственнымъ пребываніемъ на западѣ, заставлялъ и многихъ своихъ подданныхъ отправляться за границу.

Здѣсь то именно царь столкнулся съ глубоко вкоренившимися предрасудками народа. Котошихинъ, въ своемъ сочиненіи о Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, говоря о недостаткахъ русскаго народа, замѣчаетъ: «Благоразумный читателю! Чтучи сего писанія, не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая въ инья государства дѣтей своихъ не посылають, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычай, начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домомъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили» ¹⁾.

Нѣсколько десятилѣтій до Котошихина, произошелъ случай, доказывающій, что такого рода опасенія не были лишены основанія. При царѣ Борисѣ, были отправлены въ Германію, во Францію и

¹⁾ Котошихинъ, гл. IV, 24.

въ Англію пятнадцать молодыхъ людей для обученія. Изъ нихъ только одинъ возвратился въ Россію. Когда русское правительство требовало отъ англійскаго выдать «ребятъ», оставшихся въ Англіи, англійскій дипломатъ отвѣчалъ, что русскіе не хотятъ возвратиться и что англійское правительство не хочетъ и не можетъ заставить ихъ покинуть Англію. Оказалось, что одинъ изъ этихъ «ребятъ» сдѣлался англійскимъ священникомъ, другой служилъ въ Ирландіи секретаремъ королевскимъ, третій былъ въ Индіи, гдѣ занимался торговлею, и проч. Узнали даже, что русскій, сдѣлавшійся англійскимъ священникомъ, «за англійскихъ гостей Бога молить, что вывели его изъ Россіи, а на православную вѣру говорить многую хулу» ¹⁾).

Въ то время каждый русскій, хвалившій чужія государства или желавшій ѣхать туда, считался преступникомъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, князя Хворостинина обвиняли въ ереси и вмѣняли въ преступленіе его желаніе отправиться за границу и выраженіе въ родѣ того, будто «на Москвѣ людей нѣтъ, все людѣ глухой, жить ему не съ кѣмъ». Чрезвычайно любопытно замѣчаніе князя Голицына, въ первой половинѣ XVII вѣка: «русскимъ людямъ служить вмѣстѣ съ польскими нельзя, ради ихъ прелести: одно лѣто побываютъ съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины русскихъ людей» ²⁾).

Нельзя не вспомнить при этомъ случаѣ, что наставниками молодого Ордына-Нащокина, бѣжавшаго за границу, были поляки. Лжедмитрій, находившійся подъ вліяніемъ польской цивилизаціи, упрекалъ бояръ въ невѣжествѣ, говоря, что они ничего не видали, ничему не учились, и обѣщалъ дозволить имъ посѣщать чужія земли, гдѣ они могли бы хотя нѣсколько образовать себя ³⁾).

При царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ, господствовали на этотъ счетъ мнѣнія, противоположныя воззрѣніямъ Бориса и Дмитрія. Олеарій рассказываетъ, что, когда, однажды, какой-то новгородскій купецъ намѣревался отправить своего сына для обученія за границу, царь и патріархъ не хотѣли дозволить этого ⁴⁾).

Извѣстный Юрій Крижаничъ, который самъ своимъ богатымъ и многостороннимъ образованіемъ былъ обязанъ западу, ратовалъ противъ поѣздокъ за границу. Упадокъ и анархію Польши онъ

¹⁾ См. мою статью «Русскіе дипломаты-туристы въ Италиі». Москва, 1878, стр. 7.

²⁾ Соловьевъ, «Ист. Россіи», IX, 461 и 473.

³⁾ «Сказаніе совр. о Дмитріѣ Самозванцѣ», I, 63.

⁴⁾ Olearius, изд. 1663 г., 221.

приписывалъ обычаю молодыхъ дворянъ отправляться за границу. Поэтому-то онъ и предлагалъ запретить всѣмъ царскимъ подданнымъ «скитаніе по чужихъ земляхъ»¹⁾. И дѣйствительно, существовало что-то въ родѣ такого запрещенія. Шведскіе дипломаты, находившіеся въ Россіи въ XVII вѣкѣ, замѣтили, что русскимъ запрещено ѣздить за границу изъ опасенія, что они возлюбятъ учрежденія запада и возненавидятъ порядки Московскаго государства²⁾. Котошихинъ пишетъ: «о поѣздѣ московскихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые посылаются по царскому указу и для торговли, ни для какихъ дѣлъ ѣхать не дозволено»³⁾.

Поводомъ къ путешествіямъ русскихъ за границу въ XVII вѣкѣ служили дѣла дипломатическія и религіозныя цѣли. Русскіе дипломаты въ то время никогда не оставались долго за границую. Путешествія съ благочестивою цѣлью предпринимались не въ западную Европу, а въ турецкія владѣнія. Ни дипломаты, ни пилигримы не имѣли въ виду систематическаго изученія чего либо за границую.

До эпохи Петра, русскіе отправлялись за границу ради ученія въ самыхъ лишь рѣдкихъ исключеніяхъ. Зато иногда проживавшіе въ Москвѣ иностранцы посылались за границу, ради усовершенствованія въ какой либо наукѣ или въ какомъ либо мастерствѣ⁴⁾.

Въ 1692 году, сынъ подъячаго посольскаго приказа, Петръ Постниковъ, былъ отправленъ за границу для изученія медицины. Въ г. Падуѣ, въ 1696 году, онъ приобрѣлъ степень доктора. Затѣмъ, однако, сдѣлался не врачомъ, а дипломатомъ⁵⁾.

Въ самомъ началѣ 1697 года, слѣдовательно, за нѣсколько недѣль до отъѣзда самого царя за границу, Петръ отправилъ 28 молодыхъ дворянъ въ Италію, преимущественно въ Венецію, 22 другихъ въ Англію и Голландію, — «учиться архитектуры и управленія корабельнаго». Всѣ они принадлежали къ знатнѣйшимъ въ то время фамиліямъ. Ни одинъ изъ нихъ не сдѣлался замѣчательнымъ морякомъ; за то нѣкоторые, напримѣръ, Борисъ Куракинъ, Григорій Долгорукій, Петръ Толстой, Андрей Хилковъ и проч., прославились на поприщѣ дипломатическомъ, военномъ, гражданскомъ.

¹⁾ «О промыслѣ», 70 и 71. «Русское госуд. въ половинѣ XVII вѣка», I, 333.

²⁾ Herrmann, «Gesch. d. russ. Staats», III, 541.

³⁾ Котошихинъ, гл. IV, 24.

⁴⁾ См о такихъ примѣрахъ соч. Олеарія, нѣм. изд. 1663, стр. 221; Рихтера, «Gesch. d. Medicin in Russland», Moskau, 1815, II, 289—291, 361—368.

⁵⁾ Richter. «Gesch. d. Med.», II, 401—408. Памятн. дипл. сношеній, VIII, 699. Устряловъ, III, 489.

Слѣдовательно, та спеціальная цѣль, съ которою были отправлены эти молодые дворяне за границу, не была достигнута; за то результатъ пребыванія ихъ на западѣ оказался гораздо богаче и заключался въ многостороннемъ образованіи вообще. Отправляя молодыхъ дворянъ въ Венецію, Англію и Голландію съ цѣлью создать русскихъ моряковъ, Петръ какъ-то невольно создалъ школу государственныхъ дѣятелей.

Не легко разставались молодые русскіе аристократы съ родиною. Едва ли кто изъ нихъ зналъ какойнибудь иностранный

Петръ Андреевичъ Толстой.

Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

языкъ. Большею частью они были женаты, имѣли дѣтей, занимали должности стольниковъ и спальниковъ. Не легко было царедворцамъ, привыкшимъ къ праздной жизни, учиться ремеслу матросскому. Къ тому же, имъ грозили строгими наказаніями, въ случаѣ неуспѣшнаго ученія, неудовлетворительныхъ свидѣтельствъ со стороны иноземныхъ наставниковъ ¹⁾.

Сохранилась инструкція, данная Петру Толстому, при отправленіи его за границу, въ 1697 году. Въ ней сказано, что онъ по-

¹⁾ См. донесеніе Плейера у Устрялова, III, 633.

сланъ «для науки воинскихъ дѣлъ». Онъ долженъ былъ научиться: 1) знать чертежи или карты, компасы «и прочіе признаки морскіе», 2) владѣть судномъ, знать снасти и инструменты, парусы, веревки и проч.; далѣе, ему предписывалось по возможности присутствовать въ битвахъ на морѣ; наконецъ, ему обѣщана особая награда, если онъ подробно изучитъ кораблестроеніе.

Отправленнымъ за границу молодымъ дворянамъ вмѣнялось въ обязанность привезти въ Россію «на своихъ проторяхъ» двухъ иностранныхъ мастеровъ; въ большей части случаевъ, путешественники содержались не на счетъ казны, а изъ собственнаго кармана ¹⁾.

За этой первой, какъ видно, довольно многочисленной группой путешественниковъ, уѣхавшихъ въ январѣ 1697 года, слѣдовала вторая, состоявшая изъ «волонтеровъ» при посольствѣ Лефорта, Головина и Возницына ²⁾. Въ іюлѣ 1697 года, т. е. черезъ нѣсколько недѣль послѣ отъѣзда этой второй группы, австрійскій дипломатическій агентъ, Плейеръ, доносилъ императору Леопольду: «ежедневно отсюда молодые дворяне отправляются въ Голландію, Данію и Италію» ³⁾.

Во время своего пребыванія за границею, царь, по возможности, слѣдилъ за ученіемъ и занятіями своихъ подданныхъ за границею. Такъ, напр., онъ, въ августѣ 1697 года, писалъ къ Виніусу: «спальники, которые прежде насъ посланы сюды, выуча кумпасъ, хотѣли къ Москвѣ ѣхать, не бывъ на морѣ: чаяли, что все тутъ. Но адмиралъ нашъ намѣреніе ихъ перемѣнилъ: велѣлъ имъ ѣхать» и проч. Посылая князю Ромодановскому собственноручно составленный списокъ учащимся въ Голландіи русскимъ, Петръ сообщаетъ, что такіе-то «отданы на Остѣиндскій дворъ къ корабельному дѣлу», другіе учатся «всякимъ водянымъ мельницамъ»; что тѣ «мачты дѣлаютъ», другіе опредѣлены «къ ботовому дѣлу», или «къ парусному дѣлу», или «блоки дѣлать», или «бомбардирству учиться», или «пошли на корабли въ разныя мѣста въ матросы», и проч. ⁴⁾.

Были случаи сопротивленія русскихъ, которыхъ заставляли учиться за границею ⁵⁾; рассказывали объ одномъ русскомъ дво-

¹⁾ См. статью Н. Попова о П. Толстомъ въ журналѣ «Атеней», 1859, стр. 301 и слѣдующія.

²⁾ См. полный списокъ у Устрялова, III, 575—576.

³⁾ Устряловъ, III, 637.

⁴⁾ Тамъ-же, III, 426.

⁵⁾ Штелинь, «Анекдоты о Петрѣ Великомъ». Москва, 1830, III, 5.

рянинѣ, отправленномъ въ Венецію ради ученія, что онъ, изъ ненависти къ чужбинѣ и изъ опасенія впасть въ ересь латинянъ, не выходилъ изъ своей комнаты ¹⁾. «И я, грѣшникъ, въ первое несчастіе опредѣленъ», говорилъ одинъ изъ молодыхъ русскихъ дворянъ, отправленныхъ за границу учиться. Другой писалъ изъ-за границы къ родственникамъ: «житіе мнѣ пришло самое бѣдственное и трудное... Наука определѣна самая премудрая; хотя мнѣ всѣ дни своего живота на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того—не знамо учиться языка, не знамо науки». Другіе жаловались на морскую болѣзнь и т. п. ²⁾.

Но были также случаи успѣшнаго и полезнаго ученія русскихъ за границую. Меншиковъ, назначенный царемъ учиться дѣланію мачтъ, успѣвалъ въ работѣ лучше всѣхъ. Головинъ, работавшій въ Саардамѣ, былъ веселъ и доволенъ. Объ одномъ изъ москвитянъ, учившихся въ Саардамѣ, сохранилось преданіе, что онъ работалъ на верфи весьма усердно, но, когда начинался роздыхъ, то къ нему являлся служитель съ умывальникомъ; господинъ умывалъ себѣ руки и перемѣнялъ платье. Любопытный примѣръ усердія представлялъ Петръ Андреевичъ Толстой. Онъ рѣшился пойти, такъ сказать, на встрѣчу планамъ царя преобразователя. Будучи уже женатымъ и имѣя дѣтей, пятидесяти лѣтъ съ небольшимъ, онъ самъ вызвался ѣхать за границу для изученія морского дѣла. Въ то время, какъ другіе съ неудовольствіемъ покидали отечество для трудной и непривычной жизни за моремъ и возвращались въ Россію, не доучившись тому, чего требовалъ отъ нихъ Петръ, Толстой доказалъ своимъ путешествіемъ, что его способности равнялись скрывавшемуся въ немъ честолюбію. Онъ, чрезъ Польшу и Австрію, отправился въ Италію, по цѣлымъ мѣсяцамъ плавалъ по Адриатическому морю и получилъ свидѣтельство, что ознакомился совершенно съ морскимъ дѣломъ, картами морскихъ путей, названіемъ деревъ, парусовъ, веревокъ и всякихъ инструментовъ корабельныхъ и проч. Побывавъ въ Мальтѣ, онъ получилъ свидѣтельство и оттуда, что встрѣчался съ турками и показалъ безстрашіе. Онъ отлично выучился итальянскому языку, въ Венеціи съ большимъ успѣхомъ занимался математикою и т. д. ³⁾.

¹⁾ Voltaire, «Hist. de Pierre le Grand», Paris, 1803, II, 208.

²⁾ Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», I, 141—142.

³⁾ См. статью Н. А. Попова о Толстомъ въ «Древней и Новой Россіи», 1875, I, 223.

Впрочемъ, русскіе, находившіеся за границею, учились не только морскому и военному дѣламъ, но также и другимъ предметамъ. Нѣкоторое число молодыхъ дворянъ было отправлено въ Берлинъ для изученія нѣмецкаго языка. Въ этомъ же городѣ нѣсколько русскихъ обучались «бомбардирству». Петру писали изъ Берлина, что о «Степанѣ Бужениновѣ съ товарищами свидѣтельствуетъ ихъ мастеръ, что они въ своемъ дѣлѣ исправны и начинаютъ геометрію учить» ¹⁾. Объ Александрѣ Петровѣ, находившемся въ Ганноверѣ, доносилъ Лейбницъ, что тотъ уже успѣлъ выучиться нѣмецкому языку и перешелъ къ занятіямъ латинскимъ языкомъ ²⁾. Съ нѣкоторыми изъ этихъ молодыхъ людей Петръ самъ переписывался. Такъ, напримѣръ, въ отвѣтъ на письмо царя изъ Детфорда, Василий Корчминъ писалъ изъ Берлина: «мы съ Стенькою Бужениновымъ, благодаря Богу, по 20-е марта выучили фейерверкъ и всю артиллерію; нынѣ учимъ тригонометрію. Мастеръ нашъ—человѣкъ добрый, знаетъ много, намъ указываетъ хорошо... Изволишь писать, чтобы я увѣдомилъ, какъ Степанъ (т. е. Бужениновъ), не учась грамотѣ, геометрію выучилъ, и я про то не вѣдаю: Богъ и слѣпцы просвѣщаетъ». Корчминъ жаловался, что учитель проситъ за ученіе денегъ и требуетъ съ человѣка 100 талеровъ. Далѣе, ему поручено было собрать свѣдѣнія о жалованьѣ, которое получали офицеры и генералы въ арміи бранденбургскаго курфюрста. Онъ и послалъ подробный списокъ всѣмъ этимъ даннымъ ³⁾.

И въ слѣдующее за путешествіемъ царя время не прекращалось отправленіе молодыхъ русскихъ за границу. Такъ, напр., въ 1703 году, 16 человѣкъ холмогорцевъ было отправлено въ Голландію, гдѣ въ то время находился вступившій въ русскую службу вице-адмиралъ Крюйсъ, которому и было поручено «раздать ихъ въ науки, кто куда годится». Около этого же времени, Петръ, желая доставить войскамъ своимъ хорошую школу и нуждаясь также въ деньгахъ, предлагалъ генеральнымъ штатамъ за деньги отрядъ русскаго войска на помощь противъ французовъ, но предложеніе это не было принято ⁴⁾.

Въ 1703 же году, одинъ русскій дворянинъ просилъ у царя дозволенія отправить своихъ малолѣтнихъ сыновей для воспитанія во Францію. Со стороны короля Людовика XIV было сдѣлано

¹⁾ Памятн. дилл. снош., VIII, 1221.

²⁾ Guergier, Leibniz, Beilagen, 34.

³⁾ Устряловъ, III, 472—473.

⁴⁾ Соловьевъ, XV, 57, 61.

Петру предложеніе прислать царевича Алексѣя для воспитанія въ Парижъ ¹⁾. Еще раньше шла рѣчь объ отправленіи царевича, вмѣстѣ съ сыномъ Лефорта, въ Женеву ²⁾.

Мало по малу, русскіе дворяне начали привыкать къ мысли о необходимости ученія, о выгодахъ всесторонняго свѣтскаго образованія. Отецъ одного молодого аристократа, отправленнаго въ Голландію въ 1708 году, писалъ сыну между прочимъ: «нынѣшняя посылка тебѣ сотворится не въ оскорбленіе или какую тебѣ тягость, но да обучишься въ такихъ наукахъ, въ которыхъ тебѣ упражняться довлѣетъ, дабы достойна себя сотвориши ему, великому государю нашему, въ какихъ себѣ услугахъ ты изволишь употребити; понеже великая есть и трудная преграда между вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ». Затѣмъ отецъ совѣтуетъ сыну прилежно учиться нѣмецкому и французскому языкамъ, ариѳметикѣ, метематикѣ, архитектурѣ, фортификаціи, географіи, картографіи, астрономіи и пр. При этомъ сказано, что сынъ долженъ выучиться всему перечисленному не для того, чтобы сдѣлаться инженеромъ или морякомъ, но для того, чтобы имѣть возможность, при занятіи какой либо должности въ ратномъ дѣлѣ, судить о мѣрѣ добросовѣстности и правильности дѣйствій техниковъ-иностранцевъ.

Мало того, авторъ этого любопытнаго посланія къ сыну, отправленному въ Голландію для обученія, пишетъ: «не возбраняю же тебѣ между упражненіемъ въ наукахъ, ради обновленія жизненныхъ въ тебѣ духовъ и честныхъ рекреаци, имѣти въ бесѣдахъ своихъ товарищей отъ лицъ благоцѣнныхъ, честныхъ; овогда же комедіяхъ, операхъ, кавалерскихъ обученіяхъ, какъ со шпагою и пистолетомъ владѣти, на конѣ благочинно и твердо сидѣть, съ коня съ различнымъ ружьемъ владѣть, и въ прочихъ подобныхъ тѣмъ честныхъ и похвальныхъ обученіяхъ забаву имѣть» ³⁾.

Изъ этихъ замѣчаній видно, какъ измѣнился взглядъ русскаго высшаго общества на значеніе свѣтскаго образованія, въ эпоху царствованія Петра. Не задолго до этого, многіе русскіе считали «кавалерскіе обученія» чѣмъ то въ родѣ ереси. Сообразно съ понятіями «домостроя», не только театръ, но даже «гуденіе, трубы, бубны, сопѣли, медвѣди, птицы и собаки ловчія, конское уриста-

¹⁾ Донесеніе Плейера у Устр. IV, 2, 622 и 623.

²⁾ Устряловъ, III, 413.

³⁾ Соч. Посошкова, изд. Погодинымъ въ Москвѣ 1842, 295 и слѣд.—Въ «Русскомъ Вѣстникѣ», т. СХІІ, стр. 779, я доказалъ, что авторомъ этого письма не могъ быть Иванъ Посошковъ, какъ полагалъ Погодинъ и какъ за нимъ думали весьма многіе ученые.

ніе» и т. п. считались грѣхомъ, достойнымъ вѣчнаго наказанія въ аду ¹⁾). Незадолго до того времени, когда просвѣщенный вельможа совѣтовалъ сыну учиться иностраннымъ языкамъ и разнымъ наукамъ, раскольники ратовали противъ «нѣмецкихъ скверныхъ обычаевъ», противъ «любви къ западу», противъ «латинскихъ и нѣмецкихъ поступокъ» и пр.

Каково жилось русскимъ за границею и въ какой степени пребываніе тамъ могло быть весьма полезнымъ приготовленіемъ къ политической карьерѣ, видно изъ автобіографіи Ивана Ивановича Неплюева; онъ родился въ 1693 году, воспитывался въ училищѣ, устроенномъ какимъ то французомъ въ Москвѣ, и въ 1716 году, вмѣстѣ съ двадцатью другими воспитанниками этой школы, былъ отправленъ за границу для ученія. Сначала онъ отправился въ Венецію, гдѣ былъ въ дѣйствительной службѣ на тамошнемъ галерномъ флотѣ. Оттуда онъ и его товарищи поѣхали въ Испанію и учились тамъ въ морской академіи «солдатскому артикулу, на шпагахъ биться, танцовать»; Неплюевъ рассказываетъ, что имъ было невозможно заниматься математикою, такъ какъ они не достаточно владѣли испанскимъ языкомъ. Въ 1720 году, они возвратились въ Россію. Во время своихъ переѣздовъ по Европѣ, они встрѣчали и другихъ русскихъ: въ Тулонѣ тогда жили 7 русскихъ гардемариновъ, которые учились во французской академіи «навигаци, инженерству, артиллеріи, рисовать мачтабы, какъ корабли строятся, боцманству и пр.». Въ Амстердамѣ, въ проѣздъ Неплюева съ товарищами, было около пятидесяти русскихъ; иные изъ нихъ учились «экипажеству и механикѣ», другіе «школьники» — всякимъ ремесламъ: мѣдному, столярному и судовымъ строеніямъ. По возвращеніи Неплюева въ Россію, самъ царь участвовалъ въ испытаніи, которому были подвергнуты онъ и его товарищи. При этомъ Петръ говорилъ: «видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя бѣ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству» ²⁾).

Число проживавшихъ въ Голландіи «школьниковъ» было дотога значительно, что къ нимъ былъ опредѣленъ особенный надзиратель, князь Иванъ Львовъ. До насъ дошли донесенія его къ царю, изъ которыхъ видно, что съ русскими, учившимися въ Голландіи и Англіи, случались непріятности. Молодежь входила въ долги; бы-

¹⁾ Домострой, изд. Яковлева, стр. 16.

²⁾ «Рус. Арх.» 1871, 640.

вали драки, даже увѣчья. Львовъ спрашивалъ у царя инструкцій о планѣ ученія молодыхъ русскихъ, отправленныхъ за границу. Петръ отвѣчалъ: «учиться навигаціи зимой, а лѣтомъ ходить на морѣ, на всякихъ корабляхъ, и обучиться, чтобы возможно онимъ потомъ морскими офицерами быть».—Василій Васильевичъ Головинъ, въ своей автобіографіи объ ученіи въ Голландіи, замѣчаетъ лаконически: «въ Саардамѣ и въ Роттердамѣ учился языку голландскому и ариѳметикѣ и навигаціи, съ 1713 по 1715 годъ, а потомъ возвращенъ въ Россію, гдѣ все-таки продолжалъ учиться въ морской академіи навигацкой наукѣ и солдатскому артикулу» и пр. Товарищами Головина въ Голландіи были люди изъ самыхъ знатныхъ фамилій: Нарышкины, Черкаскіе, Голицыны, Долгорукіе, Урусовы и пр. ¹⁾).

Петръ все время зорко слѣдилъ за ученіемъ Русскихъ, отправленныхъ въ западную Европу. Кононъ Зотовъ, сынъ «наипутѣйшаго всеяузскаго патріарха», учился за границею и писывалъ къ отцу о своихъ успѣхахъ; царь читалъ иногда эти письма, и однажды, похваливъ ревность молодого Зотова, вышилъ кубокъ за здоровье его. Довольно часто онъ и самъ писалъ къ Конону Зотову, который, находясь впоследствии агентомъ царя во Франціи, давалъ Петру совѣты въ родѣ слѣдующихъ: «понеже офицеры въ адмиралтействѣ суть люди приказные, которые повинны юриспруденцію и прочія права твердо знать, того ради не худо бы, если бы ваше величество указалъ архіерею рязанскому выбрать двухъ или трехъ человѣкъ лучшихъ латинистовъ изъ средней статьи людей, т. е. не изъ породныхъ, ниже изъ подлыхъ,—для того, что вездѣ породные презираютъ труды (хотя по пропорціи ихъ породъ и имѣнія, должны также быть и въ наукѣ отъѣнны предъ другими), а подлый не думаетъ болѣе, какъ бы чрево свое наполнить,—и тѣхъ латинистовъ прислать сюда, дабы проšli оную науку и знали бы, какъ суды и всякія судейскія дѣла обходятся въ адмиралтействѣ. Я чаю, что сіе впредь нужно будетъ. Прошу милосердія въ винѣ моей дерзости: истинно, государь, сія дерзость не отъ единого чего, только отъ усердія» и пр. ²⁾).

Въ 1716 году, по случаю учрежденія коллегій, было сдѣлано распоряженіе: «послать въ Крелевецъ (Кенигсбергъ) человѣкъ тридцать или сорокъ, выбравъ изъ молодыхъ подъячихъ, для наученія нѣмецкаго языка, дабы удобнѣе въ Коллегіумѣ были, и послать за

¹⁾ Пекарскій, 141—142.

²⁾ Тамъ-же, 157.

ними надзирателя, чтобы не гуляли» ¹⁾. Въ 1719 году, отправлено за границу около тридцати человекъ молодыхъ русскихъ, для изученія медицины подъ руководствомъ доктора Блументроста. Въ 1715 году, Петръ сдѣлалъ одному агенту, находившемуся за границею, слѣдующія замѣчанія: «ѣхать во Францію въ порты морскіе, а наипаче гдѣ главный флотъ ихъ, и тамъ, буде возможно и вольно жить и присматривать волонтирамъ, то быть волонтиромъ, буде же невозможно, то принять какую службу. Все, что по флоту надлежитъ на морѣ и въ портахъ, сыскать книги, также чего нѣтъ въ книгахъ, но отъ обычая чинять, то пополнить и все перевести на славянской языкъ нашимъ штилемъ, токмо храня то, чтобъ дѣла не проронить, а за штилемъ ихъ не гнаться. Суворова и Туволкова отправить въ Мардикъ, гдѣ новый каналъ дѣлаютъ, также и на тотъ каналъ, который изъ окіана въ Медитеранское море проведенъ и въ прочія мѣста, гдѣ дѣлаютъ каналы, доки, гавани и старыя починиваютъ и чистятъ, чтобъ они могли присмотрѣться къ машинамъ и прочему и могли тѣхъ фабрикъ учиться». Одному «ученику» было поручено въ Англіи учиться пушечному литью, однако въ Англіи находили, что это «несходно съ правами здѣшняго государства» ²⁾.

Поводы къ отправленію молодыхъ людей за границу становились все болѣе и болѣе разнообразными. Въ 1716 году, было велѣно «на Москвѣ выбрать изъ латинскихъ школъ изъ учениковъ робятъ добрыхъ, молодыхъ пять человекъ, для посылки въ Персиду для ученія языкамъ турецкому, арабскому и персидскому» ³⁾. Немного позже были отправлены: Земцовъ и Еропкинь въ Италію, для обученія архитектурѣ, Никитинъ и Матвеевъ въ Голландію, для обученія живописи, Башмаковъ и нѣкоторые другіе также въ Голландію, для обученія каменщицкому ремеслу ⁴⁾. Во многихъ случаяхъ русскіе сами просили позволенія отправиться за границу. Братъ вышеупомянутаго Конона Зотова, Иванъ, просилъ позволенія ѣхать за границу лѣчиться ⁵⁾. Иванъ Инановичъ Неплюевъ, отправляя своего малолѣтняго сына за границу для воспитанія, просилъ царя: «повели, государь, послать указъ въ Голландію князю Куракину ⁶⁾, чтобъ сына моего своею протекціею не оставилъ; по-

¹⁾ П. С. З. 2986 и 2987.

²⁾ Соловьевъ, XVI, 311.

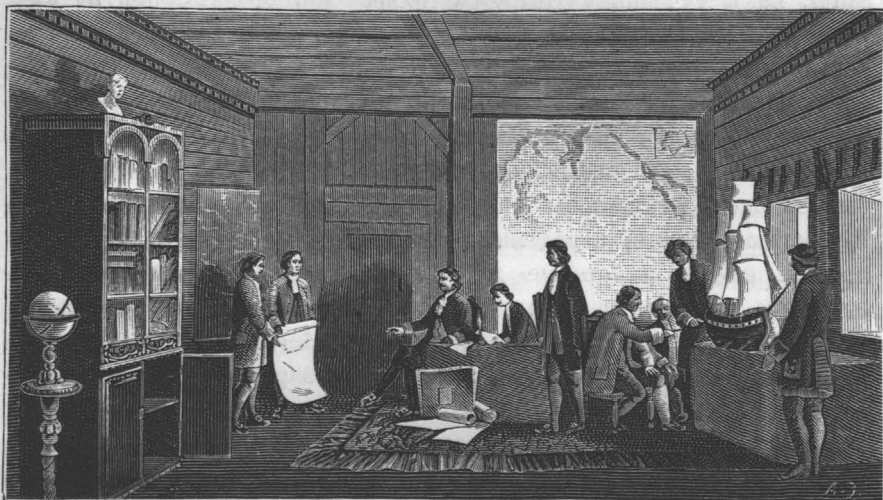
³⁾ П. С. З. 2978.

⁴⁾ Штелинь, Анекдоты, I, № 100 и № 66.

⁵⁾ Соловьевъ, XVI, 301.

⁶⁾ Русскому послу въ Голландіи.

вели опредѣлить сыну моему жалованье на содержаніе и ученіе и отдать его въ академію для сціенці учиться иностраннымъ языкамъ, философіи, географіи, математикѣ и прочихъ историческихъ книгъ чтенія; умилившись, государь, надъ десятилѣтнимъ младенцемъ, который современемъ можетъ вашему величеству заслужить»¹⁾. Приобрѣтшій впоследствии, при императрицѣ Елизаветѣ, знаменитость министръ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ во время Петра учился въ одной гимназіи въ Берлинѣ, а затѣмъ, впро-

Петръ I экзаменуетъ учениковъ, возвратившихся изъ-за границы.
Съ картины Н. Н. Каразина.

долженіе нѣсколькихъ лѣтъ, находился при англійскомъ дворѣ на службѣ²⁾.

Въ 1722, 1723 и 1724 годахъ, пріѣхали изъ Англій, Голландіи и Франціи русскіе мастеровые, учившіеся тамъ: «столяры домового дѣла трое, столяры кабинетнаго дѣла четверо, столяры, которые дѣлаютъ кровати, стулья и столы, двое, замочнаго мѣднаго дѣла четверо, мѣднаго литейнаго дѣла двое, грядорвальнаго одинъ, инструментовъ математическихъ одинъ». Петръ велѣлъ построить имъ дворы и давать жалованье два года, а потомъ дать каждому

¹⁾ Соловьевъ, XVIII, 63.

²⁾ Штелинь, II, стр. 155. О пребываніи Бестужева въ Англій см. нѣкоторые любопытныя данныя въ донесеніяхъ Робетона, см. изд. Германа, «Zeitgenöss. Ber. z. Gesch. Russlands», Leipzig, 1880, стр. 187—188, 197.

«на заводъ денегъ съ довольствомъ, дабы кормились своею работою, и о томъ имъ объявить, чтобъ заводились и учениковъ учили, а на жалованье бы впередъ не надѣялись»¹⁾).

Какъ видно, во время Петра, русскіе цѣлыми сотнями проживали за границею. Въ жизни каждаго изъ нихъ пребываніе въ западной Европѣ составляло эпоху. Русскіе дипломаты, до царствованія Петра бывшіе за границею лишь проѣздомъ, не могли въ такой мѣрѣ вникнуть въ самую суть западно-европейской цивилизаціи, какъ «ученики» Петровскаго времени, проживавшіе по нѣскольку лѣтъ въ Голландіи, Англіи, Франціи и Германіи, и невольно находившіеся подъ вліяніемъ той среды, которая ихъ окружала на западѣ и которая во многихъ отношеніяхъ отличалась отъ русскаго общества того времени.

Впрочемъ, «ученики», отправленные за границу, обыкновенно были плохо приготовлены къ ученію. Многіе изъ нихъ отличались грубостью нравовъ, нерадѣніемъ къ ученію, равнодушіемъ къ вопросамъ науки; нѣкоторые даже оказывались склонными къ преступнымъ дѣйствіямъ. Священникъ, находившійся при Александрѣ Петровѣ, который въ Ганноверѣ учился нѣмецкому и латинскому языкамъ, вель себя въ высшей степени безнравственно и однажды пытался убить Петрова²⁾. Зотовъ писалъ царю изъ Франціи: «господинъ маршалъ д'Этре призывалъ меня къ себѣ и выговаривалъ мнѣ о срамныхъ поступкахъ нашихъ гардемариновъ въ Тулонѣ: дерутся часто между собою и бранятся такою бранью, что послѣдній человѣкъ здѣсь того не сдѣлаеть. Того ради обобрали у нихъ шпаги». Немногимъ позже новое письмо: «гардемаринъ Глѣбовъ покололъ шпагою гардемарина Барятинскаго и за то за арестомъ обрѣтается. Господинъ вице-адмиралъ не знаетъ, какъ ихъ приказать содержать, ибо у нихъ (французовъ) такихъ случаевъ никогда не бываетъ, хотя и колются, только честно, на поединкахъ, лицомъ къ лицу», и пр. Подобныя жалобы слышались и отъ русскаго посланника въ Англіи, Веселовскаго, который писалъ: «ремесленные ученики послѣдней присылки приняли такое самовольство, что не хотятъ ни у мастеровъ быть, ни у контрактовъ или записей рукъ прикладывать, но требуютъ возвратиться въ Россію безъ всякой причины... и хотя я ихъ добромъ и угрозами уговаривалъ, чтобъ они волѣ вашего величества послушны были, однакожъ они въ противности пребы-

¹⁾ Соловьевъ, XVIII, 187.

²⁾ Письмо Рёбера къ Лейбницу въ соч. Герье, стр. 34.

вають, надѣясь на то, что я ихъ наказать не могу безъ воли вашего величества, и что, по обычаю здѣшняго государства, наказывать иначе нельзя, какъ по суду»¹⁾. Львовъ, которому, какъ мы видѣли, былъ порученъ надзоръ надъ молодыми русскими, учившимися за границею, въ 1711 году, убѣдительно просилъ не посылать навигаторовъ въ Англію «для того, что и старые тамъ научились больше пить и деньги тратить». Графъ Литта писалъ изъ Англіи: «тщился я ублажить англичанина, которому одинъ изъ московскихъ глазъ вышибъ, но онъ 500 фунтовъ запросилъ». Львовъ совсѣмъ вышелъ изъ терпѣнія и писалъ: «изсушили навигаторы не только кровь, но уже самое сердце мое; я бы радъ, чтобъ они тамъ меня убили до смерти, нежели бы мнѣ такое злостраданіе имѣть и несносныя тягости» и пр.²⁾ И въ Голландіи происходили непріятности. Типографщикъ Кошевскій въ Амстердамѣ давалъ уроки русскимъ князьямъ и боярамъ, по повелѣнію царя; ученики потомъ разѣхались, не сказавъ и спасибо своему наставнику, а двое изъ нихъ даже увезли у Кошевскаго, не заплативъ денегъ, четыре глобуса. Подобныхъ случаевъ было нѣсколько³⁾. Даже на самого Львова присылались доносы, что онъ «хаживалъ самымъ нищенскимъ образомъ, всей Голландіи былъ на посмѣшище, бралъ грабительски изъ опредѣленнаго жалованья навигаторамъ» и пр. Нѣкоторые изъ русскихъ за долги въ Англіи сидѣли подъ карауломъ; о какомъ-то Салтыковѣ писали, что онъ, «прибывъ въ Лондонъ, сдѣлалъ банкетъ про нечестныхъ женъ и имѣетъ метрессу, которая ему втрое коштуетъ, чѣмъ жалованье»⁴⁾.

Впрочемъ, бывали случаи, что русскіе оставались безъ денегъ не по собственной винѣ. Сохранились нѣкоторыя письма «учениковъ», пребывавшихъ въ Италиі и во Франціи, къ самому царю, къ кабинетъ-секретарю Макарову, въ которыхъ они жаловались, что ихъ оставляютъ безъ денегъ и что, вслѣдствіе этого, они находятся въ отчаянномъ положеніи⁵⁾.

Вообще говоря, русскіе, учившіеся за границею, не пользовались особенно хорошею репутаціею. Когда, въ 1698 году, началось въ Голландіи ученіе, было сдѣлано замѣчаніе, что русскіе ничему не учатся, что развѣ только царевичъ Александръ Имеретинскій

¹⁾ Соловьевъ, XVI, 302—303.

²⁾ Пекарскій, I, 141.

³⁾ Тамъ-же, I, 14.

⁴⁾ Соловьевъ, XVI, 406.

⁵⁾ Пекарскій, I, 158, 163.

обнаруживаетъ нѣкоторую охоту къ ученію, и что только самъ царь умѣетъ учиться, какъ слѣдуетъ¹⁾.

Нѣкоторые иностранцы, проживавшіе въ Россіи и наблюдавшіе за преобразованіями Петра, какъ, напр., ганноверскій резидентъ Веберъ и прусскій дипломатъ Фокеродтъ, сомнѣвались въ пользѣ отправленія молодыхъ русскихъ для ученія за границу. По ихъ мнѣнію, русскіе за границею обнаруживали особенную способность научиться всему худому, и что, усвоивъ себѣ за границею нѣкоторый внѣшній лоскъ, они остаются по прежнему невѣждами и, возвращаясь на родину, въ короткое время лишаются даже и этого внѣшняго лоска, пріобрѣтеннаго на западѣ. Техническое обученіе русскихъ, по мнѣнію Вебера, не оказывало ни малѣйшаго вліянія на ихъ нравственность и т. п. Достойно вниманія замѣчаніе Вебера, что было отправлено за границу для ученія «нѣсколько тысячъ» русскихъ²⁾.

Эти взгляды оказываются односторонними, несправедливыми. И техническое образованіе, и внѣшній лоскъ въ пріемахъ общезитія въ большей части случаевъ не могли не оказывать нѣкотораго вліянія на развитіе и образованіе русскихъ путешественниковъ. Уже ознакомленіе съ иностранными языками должно было имѣть большое значеніе. Въ этомъ же отношеніи русскіе обнаруживали необычайную способность. Сынъ русскаго посланника въ Польшѣ, Тяпкина, однажды привѣтствовалъ короля Яна Собѣскаго рѣчью, въ которой благодарилъ его за «науку школьную, которую употреблялъ, будучи въ его государствѣ». Рѣчь эта говорилась полатини, «довольно переплетаючи съ польскимъ языкомъ, какъ тому обычай наукъ школьныхъ надлежитъ»³⁾. Толстой и Неплюевъ, побывавшіе въ Италіи, именно благодаря совершенному знакомству съ итальянскимъ языкомъ, были способны занять трудный постъ русскаго посла въ Константинополь. Татищевъ столь охотно занимался изученіемъ иностранныхъ языковъ, что, и во время своего пребыванія на Уралѣ для надзора надъ горными заводами, имѣлъ при себѣ двухъ студентовъ, для своего усовершенствованія въ знаніи латинскаго, французскаго, шведскаго и нѣмецкаго языковъ. Письма и записки русскихъ путешественниковъ изобилуютъ галлицизмами

¹⁾ Meermann. «Discours sur le premier voyage de Pierre le Grand, principalement en Hollande». Paris, 1812.

²⁾ Weber, «Verändertes Russland», I, 12. Herrmann, «Zeitgenössische Berichte aus d. Zeit Peters d. Gr.» Leipzig, 1872, 107.

³⁾ Соловьевъ, XII, 225.

и германизмами, словами и оборотами, заимствованными изъ итальянскаго, испанскаго и др. языковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ русскихъ, путешествовавшихъ за границу, имѣли полную возможность составить себѣ точное понятіе о выгодахъ и преимуществахъ западно-европейской цивилизаціи, о необходимости подражать во многомъ иностранцамъ. Такъ, напр., Шереметевъ, Курбатовъ, Татищевъ, Толстой своимъ многостороннимъ образованіемъ, развитіемъ своихъ политическихъ способностей, были главнымъ образомъ обязаны пребыванію за гра-

Андрей Артамоновичъ Матвеевъ.

Съ гравированнаго портрета Колпакова.

ницію, изученію нравовъ, обычаевъ, учрежденій запада. Уваженіе къ другимъ народамъ у такихъ людей являлось весьма важнымъ результатомъ ближайшаго знакомства съ ними. Развитіе понятій о государственныхъ учрежденіяхъ и объ условіяхъ общественнаго развитія было плодомъ нагляднаго обученія, сопряженнаго съ такого рода путешествіями. Пребываніе за границу являлось самымъ удобнымъ средствомъ для избавленія отъ прежней замкнутости, для уничтоженія множества предрасудковъ и одностороннихъ возрѣній, для устраненія, однимъ словомъ, началъ китаизма. Соприкосновеніе съ другими народами должно было содѣйствовать развитію сознанія о хорошихъ и дурныхъ чертахъ собственнаго національнаго характера.

Стоить только пересмотрѣть записки русскихъ людей, находившихся за границею, чтобы убѣдиться въ пользѣ такого непосредственнаго сближенія съ Европою. Изъ нихъ видно, что путешественники дѣлались болѣе опытными въ дѣлахъ внѣшней политики, въ приѣмахъ дипломатическихъ сношеній; они кое-что узнавали объ исторіи и географіи тѣхъ странъ, чрезъ которыя проѣзжали и въ которыхъ проживали; они могли сравнивать западно-европейскій бытъ съ русскимъ, напр., въ отношеніи къ народному хозяйству; они видѣли на западѣ множество предметовъ роскоши, совсѣмъ до того неизвѣстныхъ въ Россіи, произведенія искусствъ, ученныя коллекціи и пр.; они знакомились съ богослуженіемъ разныхъ исповѣданій и пр.

Особеннымъ даромъ наблюденія отличался Петръ Андреевичъ Толстой, изъ путевыхъ записокъ котораго видно, съ какимъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за всѣми новыми явленіями, окружавшими его въ Польшѣ, въ Силезіи, въ Австріи и въ Италіи, и какъ тщательно онъ осматривалъ церкви и монастыри, дворцы государей и вельможъ, дома частныхъ лицъ, гостиницы и больницы, сады и водопроводы, архитектурные памятники и промышленные заводы. Мы встрѣчаемъ его то въ академіи въ Ольмюцѣ, то при какомъ-то судебномъ слѣдствіи въ Венеціи, то онъ осматриваетъ бібліотеку какого-то капуцинскаго монастыря, то присутствуетъ при докторскомъ диспутѣ въ одномъ изъ итальянскихъ университетовъ или посѣщаетъ аптекарскій садъ въ Падуѣ; онъ упоминаетъ о какой-то рукописи, приписываемой св. Амвросію, о математическихъ книгахъ, о гравюрахъ, о фрескахъ и пр. Мѣстами онъ сравниваетъ страны и народы между собою. Такъ, напр., не ускользнуло отъ его вниманія, что въ Силезіи и Моравіи народное богатство находилось на болѣе высокой степени, чѣмъ въ Польшѣ, что разныя ткани въ верхней Италіи продаются гораздо дешевле, чѣмъ въ другихъ странахъ; онъ предпочитаетъ жителей Милана венеціанцамъ и т. п. Ему не понравилась «пьяная глупость поляковъ», не успѣвшихъ построить мостъ черезъ Вислу; относительно политическаго быта въ Польшѣ онъ замѣчаетъ: «поляки дѣломъ своимъ во всемъ подобятся скотамъ, понеже не могутъ никакого государственнаго дѣла сдѣлать безъ боя и безъ драки». За то онъ удивлялся рабочей силѣ и предпріимчивости итальянцевъ, замѣчая: «всюду и во всемъ ищутъ прибыли». Его удивило то, что въ Польшѣ женщины разѣзжаютъ по городу въ открытыхъ экипажахъ «и въ зазоръ себѣ того не ставятъ», что въ Вѣнѣ, по случаю процессіи, императоръ Леопольдъ шелъ самъ и свободно, т. е. что его не водили «подъ

руки», какъ это при подобныхъ случаяхъ бывало въ Россіи, что въ Венеціи не было пьяныхъ, что при азартныхъ играхъ въ Италіи не бывало обмана, что при судопроизводствѣ въ Неаполѣ всѣ держали себя чинно и что судья обращался съ обвиненными и свидѣтелями тихо и учтиво, не кричалъ на нихъ, не ругался. Особенно же любопытнымъ казалось Толстому, что въ Италіи народъ предается веселію «безъ страху», что тамъ существуетъ «вольность», что всѣ живутъ «безъ обиды» и «безъ тягостныхъ податей» и пр.¹⁾

Одновременно съ Толстымъ, и бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ путешествовалъ по Польшѣ, Австріи и Италіи. Онъ не былъ «ученикомъ»; за то, быть можетъ, онъ имѣлъ отъ царя тайныя дипломатическія порученія. Въ его «путевой грамагѣ» сказано, что онъ отпущенъ за границу «по его охотѣ», «для вѣдѣнія тамошнихъ странъ и государствъ». Какъ видно изъ «Записки путешествія» Шереметева, бояринъ имѣлъ случай бесѣдовать съ высокопоставленными лицами, напр., съ королемъ польскимъ, съ императоромъ, съ венеціанскими сенаторами, съ папою, съ мальтійскими рыцарями и пр. И Шереметевъ, подобно Толстому, оказывается хорошимъ наблюдателемъ. Такъ, напр., онъ замѣчаетъ разницу между архитектурою во Флоренціи, съ одной стороны, и въ Римѣ и Венеціи—съ другой. Особенно тщательно онъ осматрѣлъ богоугодныя заведенія, больницы и сиротскіе дома въ Италіи и пр.

Не менѣе любопытны путевыя записки одного вельможи, бывшаго въ Голландіи, Германіи и Италіи и особенно подробно описывающаго видѣнные имъ предметы роскоши, произведенія искусства, ученныя коллекціи и т. п. Этотъ путешественникъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, отличался, очевидно, особенною любознательностью и воспріимчивостью. Онъ завелъ знакомство съ итальянскими аристократами-богачами, бывшими въ то же время и меценатами, живалъ въ великолѣпныхъ дворцахъ князей Памфили и Боргезе, сошелся съ кардиналами въ Римѣ, съ сенаторами во Флоренціи и пр.²⁾

Мы раньше говорили о тщательномъ воспитаніи, которое получилъ Андрей Артамоновичъ Матвеевъ. Нельзя удивляться тому, что онъ оказался хорошо приготовленнымъ для пребыванія за границею и что его рассказъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него

¹⁾ См. извлеченіе изъ записокъ Толстого въ «Атенеѣ» 1859 г., стр. 300 и слѣд.

²⁾ См. нѣкоторыя подробности о путешествіи Шереметева и Незнакомца въ моей монографіи «Русскіе дипломаты-туристы въ Италіи», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1877 года (мартъ, апрѣль, іюль).

западно-европейскою культурою, оказывается особенно любопытнымъ. Онъ, въ первые годы XVIII вѣка нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Голландіи, Англіи, Франціи и Австріи. Кажется, ему особенно понравилась Франція. Хотя его и поразила въ этой странѣ бѣдность сельскаго населенія, страдавшаго отъ чрезмѣрныхъ налоговъ, хотя онъ и порицалъ финансовую систему Франціи, но удивлялся тому, что во Франціи никто не можетъ безнаказанно нанести обиду другому, что и самъ король не имѣетъ власти сдѣлать кому-либо «насилованіе», что не бываетъ случаевъ произвольной конфискаціи имущества, что принцы и вельможи не могутъ дѣлать народу «тѣсноты», что строжайше запрещено брать взятки и пр. Ничто, однако, такъ не интересовало Матвеева, какъ тщательность воспитанія дѣтей высшихъ классовъ общества во Франціи. Онъ рассказываетъ, что молодыхъ людей обучаютъ математикѣ, географіи, ариѳметикѣ, воинскимъ дѣламъ, конной ѣздѣ, танцамъ, пѣнію и пр., что и женщины занимаются науками и искусствомъ, не считая для себя «зазоромъ во всѣхъ честныхъ поведеніяхъ обращаться». Онъ говоритъ подробно о визитахъ и «ассамблеяхъ», о домашнемъ театрѣ у нѣкоторыхъ французскихъ вельможъ, о балахъ и маскарадахъ, о стараніи мужчинъ и женщинъ усовершенствоваться въ произношеніи французскаго языка и пр. Искусство французовъ бесѣдовать другъ съ другомъ восхищало Матвеева. Для него было столько же новымъ, сколько привлекательнымъ зрѣлищемъ, какъ въ салонной болтовнѣ мужчины и женщины говорили, по выраженію Матвеева, «со всякимъ сладкимъ и челоуѣколюбивымъ приѣмствомъ и учтивостію¹⁾».

Какъ видно изъ всего сказаннаго, между русскими, находившимися за границею, были многіе, умѣвшіе цѣнить преимущества культуры западно-европейской. И они сами, и всѣ тѣ, кому они сообщали о видѣнномъ и слышанномъ ими за границею, учились смотрѣть на иныя государства и народы иначе, чѣмъ прежде. Слѣдствіемъ такихъ поѣздокъ было расширеніе кругозора русскихъ; благодаря имъ, обезпечивалось дальнѣйшее сближеніе съ западомъ.

¹⁾ Записки Матвеева напечатаны Пекарскимъ въ «Современникѣ» 1856 г., отд. II, стр. 39—66.